

СУМРАЧНАЯ тревожная весть разлилась по городу. Заболел товарищ Сталин. Мы узнали об этом из репродуктора. Сдавленный медленный голос извещал о пульсе, давлении, температуре товарища Сталина. Я старался представить лежащего под одеялом, в жару, с мокрым полотенцем на лбу того, кого видел на Мавзолее, парящего, подобно божеству в розово-синем сиянии. Медицинские сведения, вид больницы палаты, пузырьки с лекарствами не касались прекрасного дорогого лица, смотревшего с портретов, плавающего в небесах в луче прожектора, того волшебного виденья на мавзолее в розово-голубой дымке. Это видение не могло болеть, небо не могло болеть, мартовский прозрачный воздух, стеклянно трепетавший в открытой форточке, не мог болеть. Но мама и бабушка были удручены, притихли. Сама их походка казалась осторожной, робкой.

Я чувствовал эту тревогу на улицах. Встревоженные, катили трамваи. Встревоженные, молча, летели воронки. Инавиды в каморках не ссорились, не напивались, сурово точили напильниками свои железки. Учителя вели уроки сухо, торопливо. В классах было тихо, Поляничко не бузил. Проходя в вестибюле мимо портрета Сталина, все поднимали глаза и тут же их опускали.

И вдруг ахнуло — умер Сталин. Об этом воспаленно, с истощенной жутью, по многу раз в день извещало радио. Музыка, рыдающая, грозовая, толпивая, плыла из репродуктора. Бабушка тихо охала. Мама молчала, поджимая губы. Соседка по лестничной площадке, жена железнодорожника, рыдала. По переулку катил грузовик с подвённой люлькой, рабочий развешивал на фасадах красные с чёрным флаги.

Я чувствовал огромность случившегося. Что-то остановилось, стало оседать. Ещё было здесь, среди траурной музыки, чёрно-красных флагов, но уже остановленное, холодеющее, с неживой непомерной тяжестью, проседало. Сколько я ни жил, ни взрастал, Сталин был всегда, как всегда был воздух, вода, мама, колокольня, красная кирпичная школа, похоронка отца, ордена на груди блестящих военных, майор с гармонью в избе тёти Саши, лежащий в Волоколамских снегах парад, подбитый немецкий танк. Всё это было, но остановилось, прекратилось, оцепенело, стало медленно проваливаться. Случилась жуткая тишина, хотя по-прежнему гремели трамваи, звякал в руках дворника лом, отбивающий на тротуаре ледышки, журчала в водостоке талая вода, ревел за домами на заводе «Станколит» гудок, оповещающий народ о беде.

В школьном вестибюле портрет Сталина был окружён чёрно-красной лентой. Учителя были в тёмном. Из школьного репродуктора лилась вязкая траурная музы-

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ОН

Р О М А Н

наше ЗАБЕГМА

12+

Реклама

Книгу можно приобрести в День-магазине: +7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru, день-магазин.pф

Александр ПРОХАНОВ

ХОЛОДНЫЙ МАРТ

Глава из романа

ка. Мы собрались в классе, притихшие. Не было возни, не хлопали крышки парт. — У нас кошка всю ночь мяукала, — сказал Игрек Матвеев, он же Игорь Алексеевич. — Будет война, — глухо произнес Кашехлебов. — Карточки введут, — заметил Американец. — Маме "скорую помощь" вызвали, — всплинул Манзон. — Может, ошибка? Не умер? — тоскливо спросил Зуев.

Первым уроком была история. Учительница Надежда Петровна, в строгом чёрном жакете, простучала каблукими, усадила вставший класс.

— Лебедев, иди к доске, — позвала она, — расскажи, что ты знаешь о Парижской коммуне.

Владка встал за партой, посмотрел на учительницу влажными моргающими глазами, заикаясь, сдерживая слёзы, сказал: — Извините, Надежда Петровна. Я не могу говорить. Умер товарищ Сталин. Не могу!

Я видел, что Владка врёт. Он знает урок. И учительница видела, что он врёт. Молчала, сухо сказала:

— Понимаю, Лебедев, садись. — У Владки дрожал подбородок, то ли от близких рыданий, то ли от смеха.

Сообщалось о похоронах Сталина. Гроб с телом выставили в Доме Союзов, в том самом великопленном, с мраморными колоннами и бриллиантовыми люстрами, где я однажды с бабушкой был на ёлке. Громадное, под потолком, дерево влажно пахло лесом, качались огромные хлопунчи, скакали зайчики, белочки, Дед Мороз в красном кафтане, усыпанный блестящими, что-то громогласно и сочно изрекал из белой бороды. Теперь же там стоял гроб и лежал Сталин. Сообщалось, что проститься с вождем направляются колонны московских заводов и учреждений, открыт свободный доступ граждан.

Объявили траур, занятия отменили. Мы сошлись у школы, собираясь идти на похороны. Мы не были угнетены, не скорбели "вместе со всем народом", о чём утробным кладбищенским голосом вещало радио. Нами владело желание, сродни любопытству, увидеть мёртвого Сталина. Мы были возбуждены, азартны и странно веселы. Это было веселые бегунов, прыгунов, желавших среди траурных маршей и кладбищенских воздыханий показать своё молодечество. Мы были малой отважной ватагой, вовлечённой в шальную игру.

ОТТЕПЕЛЬ с синим небом, солнечной капелью, падающими с крыш сосульками сменилась морозцем. Из серого неба саялся снег. Мне казалось, что ветер несёт снег сквозь голые деревья, дворы, переулки туда, где в гробу лежит Сталин. Люди торопились увидеть вожда в последний раз, прежде чем тот навсегда исчезнет. По Суцёвскому валу мы достигли Саёловского вокзала. Здесь валялась чёрная, вязкая, построенная в колонны толпа. Снег летел на тёмные пальто, шубы, шапки. Качались кроваво-красные знамёна с траурными лентами. Появлялись и пропадали в метели портреты Сталина. С высоты огромного дома взирали алебастровые физкультурницы, колхозницы, лётчики в античных балетных позах, с холодными прекрасными лицами.

Мы вылипали по тротуару, пытаясь влиться в колонну. Нас отгоняли активисты с чёрно-красными повязками. Поднятые на деревьях, кренелись транспаранты с названиями заводов, учебных заведений. "Хлебозавод имени Микояна", "Швейная фабрика № 8", "Московский институт инженеров транспорта". Ветер заваливал транспаранты, трепал траурные ленты. Сквозь пургу зывывали проносившиеся электрички, тоскливо выл заводской гудок.

В колонне шёл парень в тощем пальто, с голыйшей головой. Выгибал, как цапля, высоко подняв голову. Глаза не мигали, лицо отрешённое, будто его вели на расстрел.

Шёл рабочий в ушанке, с железным лицом, с кривыми, как шрам, морщинами. На ушанке остался след от звёздочки. Женщина в платке, изоджённая, с синеватым лицом, качала головой, словно с чем-то не соглашалась, от чего-то отказывалась. Лицо её было мокро то ли от слёз, то ли от талого снега. Девушки шли, тесно сцепившись локтями, боясь расцепиться, чтобы их не унесло. Чёрно-красные ленты змеились над их головами.

Я чувствовал мощную, истовую, надрыную волю, толкавшую колонну. Колонна останавливалась, набухала, вновь растягивалась, как резина. Её притягивал мощный магнит из зала с мраморными колоннами и венками.

Мы миновали дом с лепниной и гранитными цоколем, где Владка прозили финкой. Нарядный фасад помрачнел, на нём проступили пятна. Это тёмные пятна проступали на лицах, на транспарантах, на небе. Сталин, спокойный, величественный, в парадном френче с цветной кокардой, вёл толпу к своему гробу.

У Палихи солдаты пропускали колонну, отсвывая постронники. Офицер грубо остановил нас, позгорил кулаком: — Валите дальше, целее будете!

Мы решили пробраться через Селезнёву. Подвески, к Казимому. Садовая была пустой, в жестоких металлических отблесках. В метели торопились люди, все в одну сторону. Так панически бегут муравьи, когда разоряют их муравейник. Траурные флаги хлопали над головами бегущих. Вдалеке Садовую переползала жирная гусеница колонны.

Мы миновали Каретный, сад "Эрмитаж". Там со своей расхошей скрипкой тайлся дед Михаил. Кинулись по Страстному бульвару к Трубной. Было тесно, люди толкались. Мужчина без шапки нёс на плечах ребенка. Ребенок тарачил глаза, вцепился мужчине в волосы. Женщина толкала инвадную коляску, в коляске, укутанный ватным одеялом, мертвенно застыл человек. Старуха хромала, по-птичь вскрикивала. На одной ноге у неё не было туфли, волочился мокрый грязный чулок. — На кого нас бросил, товарищ Сталин! — причитала она.

У Трубной стояли военные грузовики. Солдаты не пускали народ к Кузнецкому, разворачивали на Цветной бульвар. Люди лезли под грузовики, их вытаскивали, грубо толкали: — Куда прёшь!

МЫ ПРОСАЧИВАЛИСЬ дворами и переулками, петляли среди особнячков, вбегали в дующие подворотни. На верёвках качалось твёрдое, как кровельное железо, белёе.

Мы были юркие, ловкие, бесстрашные, протискивались в щели, огибали грузовики. Оказались в Столешниковом. Здесь всё залипло, хрипело, чавкало. Люди мяли друг друга, их волокло, склеивало. Мы едва не залипли в этом вязком клейком гудроне, выбираясь из него, как мухи из варенья.

Двор, где мы оказались, был глухой, зажат домами. Дома срослись, открывали ломаный многоугольник неба.

— Куда дальше? — спросил Щегляев. — Не пройти, задавят, — сказал Кашехлебов.

— Зачем я не сокол? Зачем не летаю? — хмыкнул Поляничко. Лицо его было бескровное, губы посинели, тощее тело под утлым пальто дрожало.

Владка крутил головой, смотрел на крыши. — Пойдём по крышам, — сказал он. — Лестница!

По стене дома уходила вверх пожарная лестница. Её низ был заколочен досками, чтобы не лезли без надобности. Щегляев ухватил край доски, мощно дернул. Доска не поддавалась. Он набылчился, схватил за плечи. Он рыком отодрал доску, скрикнув гвоздями. Мы отодрали доску, вдолб сырого фасада забрались на крышу.

Жестяная кровля гудела под ногами, дул ветер, летел снег. Впереди туманно громылись большие здания, загораживая Красную площадь. В прогал, занавешенный метелью, виднелась кремлёвская башня с рубиновой звездой.

Прогорохотали по крыше. Внизу сипело, гудело, чавкало. Чёрная толпа из Столешникова упиралась в другую толпу, и та медленно её подала.

Мы пробежали по крыше мимо слуховых окон. Крыша кончилась. Один дом прилипал к другому. Между его перепончатой крышей и нашей был перепад. Мы ухали вниз, с одной крыши на другую. Внизу шевелилась толпа, её продавливало, втискивало в теснины домов. Снег падал в неё, она густела, хлопала, как чёрное варенье. По другую сторону улицы по крышам бежали люди, прыгали, повисали в воздухе и ухали на кровлю, продолжали бежать. Бежали к тому, кто звал их, молча возлежал среди роз. Сталин созывал народ, который столько раз поднимался по его зову, шёл в тепло войны, надрывался на стройках, обожал его, внимал его вешему слову. Теперь Сталин в последний раз звал к себе народ, и народ оставлял свои жилища, бросал станики, поднимался с былинных коек и бежал, торопился, хотел на прощание увидеть родное лицо, услышать от вожда последнее напутствие.

Мы пробежали несколько крыш. Следующий дом отделился от соседнего прогалом. Его крыша была ниже той, на которой мы стояли, и длинным прыжком можно было перемахнуть прогал.

Мы стояли, не решаясь прыгать. — Не смогу, — замотал головой Игорь Алексеевич.

— И я не смогу, — сказал Американец. — Можно попробовать, — Кашехлебов заглядывал в прогал на асфальтовое дно. — Я не стану, — Зуев отошел от края.

Ветер гнал по крыше сухой снег. Через улицу мчались по крышам люди, такие же, как и мы, скакуны. Толпа валяла, словно её продавливали поршнем. Тот, невидимый, что лежал среди белых колонн и багровых роз, звал к себе.

Щегляев отошёл от края, разбежался, зарохотал, мощно толкнулся и, кртя ногами, перелетел прогал. Ухнул на соседнюю кровлю. Отбежал от края.

— Была не была! — Владка разбежался, крепко ударил ногой, перелетел прогал. Стоял внизу на соседней крыше, обратив лицо вверх, манил меня.

Я отошёл к слуховому окну. Помчался, слыша, как ухает кровельное железо. Скакнул. Стена дома приближалась. Я был готов шмякнуться о неё, но чудом достал крышу, закатался на краю, отполз, слыша, как ухает в моём сердце кровельное железо. — Давай! — кричал Владка, маня остальных. Те окупили лица вниз, смотрели в прогал на асфальт. — Ну, мёртвая, пошёл, пошёл!

Лица исчезли. Был виден край крыши на светлом небе. Из-за края вынесся тощий, в развезанном пальто Поляничко. Крутя ногами, летел, чёрный на светлом небе. Я видел его раскрытый рот, выпученные глаза, развезанные пальцы пальто. Не долетел, шмякнул о стену, хрустнул, сполз вниз. Лежал на асфальте, разбросав руки, согнув в коленях тощие ноги, как курица на рыночном прилавке.

Головы Зуева, Американца, Кашехлебова, Игоря Алексеевича появились и смотрели вниз, где лежал Поляничко. — Смерть, — сказал Владка.

Случилось ужасное — летящий в развезанном пальто Поляничко, его раскрытый беззвучный рот, выпученные в ужасе глаза, хлопотливый стук о стену и другой, об асфальт. Его недавнее, с синими губами, лицо: "Зачем я не сокол? Зачем не летаю?" и развезанные, как крылья чёрной птицы, пальцы пальто.

Щегляев, Владка и я пробежали по крыше к слуховому окну. Нырнули в чердак. Среди пыли и тьмы отыскали чердачную



Генералиссимус Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН в дни торжества Победы над милитаристской Японией произнёс слова, которые сегодня актуальны, как никогда: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил»

дверь. Выбили хлипкий запор. Сбежали по лестнице мимо квартир. Я боялся увидеть Поляничко, его раскрытый рот, выпученные глаза, чёрные крылья пальто. Подъезд выходил на улицу, в толпу, в вязкую гущу. Мы старались пробиться сквозь резиновую толпу, обогнуть дом и попасть на двор, где лежал Поляничко. Но толпа надавила, втянула нас, завернула в липкий рулет. Мы сопротивлялись, молотили локтями, но нас разнесило в разные стороны, прорывало в чмокающем фарше. Я уже не видел друзей. Меня давили, тянули. Я был внутри чёрной лавы, которая оттаскивала меня от мёртвого Поляничко. Вокруг дышали, кашляли, сипели. Толпа застыла, сдавливалась. Было трудно дышать. Я упирался лицом в бритый затылок под кепкой, видел красные уши. Чужая спина толкалась, старалась меня отсчитать, но теснить было некуда. Сзади давила грудастая женщина. Я слышал её сильное дыхание, чувствовал мякоть её груди. Справа давился пожилой человек в "пирожке", с меховым воротником. У него было свежее лицо, румяные губы, комочек бороды, какую носяя профессора. Он больно жал на меня плечом: — Какие мы сыновья? Не уберёгли отца! Прости нас, товарищ Сталин! — сказал он слёзно.

Слева задыхался казах с лицом, похожим на бубен. На щеке морщился рубец от ожога. Заваливался на меня, когда толпа копыталась: — Мы в атаку шли, кричали. "За Сталина"! За кого теперь буду кричать?

Я чувствовал непомерную силу, влекущую толпу. Слово гигантский паровоз грохотал на стальных рельсах, тянул за собой громадный состав. Эта железная сила влекла профессора в "пирожке", казаха, ховидшего в атаку, женщину, давившую меня груду. Эта сила влекла и меня, не знавшего её природу, а только стальную мощь. Она влекла Щегляева, перенесла его с крыши на крышу. Влекла Поляничко, шмякнула о стену. Эта сила исходила из Северного полюса, шла через гигантские пространства, пронзала множество душ и сердца, вела сквозь толпу, к Дому Советов, в зал с колоннами, к мёртвому Сталину. Погружалась в гроб, в цветы, в умиршее сердце. Толпа валяла, желая его воскресить.

У Дома Советов стоял заслон из военных грузовиков. Солдаты в парадной форме сдавливали толпу, стискивали, выжимали из неё сок. Толпа мелела, тянулась сквозь солдатский строй к открытым дверям, над которыми качались красные флаги с чёрными лентами.

Я почувствовал страх, нежелание идти под эти флаги в раскрытые двери. Хотел кинуться вспять, но сзади давили, заталкивали в двери.

Музыка лилась тягучая, бархатная, колдовская. Блестели штыки стоящих на карауле солдат. Свет был глухой, умеренный, с красными ответами, как на нашей настольной лампе. Бабушка накрывала её красной косынкой, и я сквозь бред видел чёрно-красный ночник. Я почувствовал, что бред начинается, и я сейчас упаду. Обморок приближался. Я стал оседать. Мужчина, идущий рядом, меня поддержал. Мы вошли в зал.

Колонны рядами уходили вдаль. Люстры были затнаты тёмной, пропускаящий свет материей, как солнце сквозь закопчённое стекло. Среди колонн в пустоте стоял гроб, покрытый цветами. Из цветов смотрел Сталин, его усы, желтоватый лоб, закрытые веки, подбородок, часть шеи с воротником френча. Он был тихий, покорно позволил положить себя в гроб, усыпать тяжёлыми, пахнущими оранжерей розами. У гроба стояли Берия и Молотов, такие же, как на портретах, только полнее, с мятыми лицами, с чёрно-красными повязками на руках. Мы шли, отделинные от Сталина бархатной бахромой, повисшей между медными стойками. Я всматривался в спокойное, под затуманенными люстрами лицо, и мне показалось, что это лицо стало вдруг уменьшаться, утекать в воронку, как вода в ванной. Всё втягивалось в эту воронку: колонны, люстры, штыки солдат, стоящие у гроба Молотов и Берия. И я исчезал в этой воронке вместе со всеми городами, небесами. Пропадал в этом желтоватом усатом лице.

Я вышел на воздух. Шла толпа, оглушённая, воспалённая, облуплённая таинственными, реоциями в зале лучами. Летел снег. В снегу высилась гостиница "Москва".

Андрей жуков УПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИЕЙ

О методах воздействия на сознание масс

"Историю пишут победители!" Джордж Оруэлл

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ЗНАЕТ, что история — это наука о прошлом. Большинство людей считает, что история является объективной наукой. Ну а как же иначе? Существует огромное количество письменных источников, древних артефактов — этот массив данных обрабатывается тысячами специалистов, которые и восстанавливают картину прошлого человечества.

Но есть и скептический взгляд на данный вопрос. Приведу лишь несколько цитат всеми признанных исторических деятелей.

"История — это собрание небылиц, занесённых на бумагу людьми, не принимавшими непосредственного участия в описываемых событиях" (Фрэнсис Бэкон, 1561–1626).

"Историки излагают не то, что происходило на самом деле, а то, что сами считают достоверным" (Бенджамин Франклин, 1706–1790).

"История представляет собой общепризнанную лжбу" (Вольтер, 1694–1778).

А известнейший американский промышленник Генри Форд (1863–1947) высказался совсем уж лаконично: "История — это ахинея!"

Трудно представить, насколько малый процент исторических источников дошёл до наших дней. Из дошедших до нас письменных и археологических материалов опять-таки очень незначительная часть доступна для научного изучения. Большинство из них хранится в запасниках музеев, в архивах, в частных коллекциях (весьма значительная часть). И не следует говорить, что к ним ко всем закрыт доступ — о том нет. Просто в сутках всего 24 часа, и руки до всего не доходят.

Следует сделать акцент на ещё одном существенном моменте. История — не просто наука о прошлом какого либо общества или человечества в целом, это скорее междисциплинарная отрасль знаний, т.е. изучение любой науки всегда начинается с анализа наработок и опыта, накопленных предшественниками, т.е. с истории данной науки.

Оба указанных выше аспекта истории имеют принципиальное значение при изучении методов управления историей.

Приведу цитату из письма одного из пап Римских. Не важно, какого именно и каким годом датируется это письмо. Важно, что в нём чётко и ясно сформулирован главный управленческий принцип:

"Потому, чтобы подчинять мирно, я использую очень простой и надёжный способ — я уничтожаю их прошлое... Ибо без прошлого человек уязвим... Он теряет свои родовые корни, если у него нет прошлого. И именно тогда, растерявший и незащищённый, он становится "чистым полотном", на котором я могу писать любую историю!.. И поверите ли, дорогие Исидора, люди этому только радуются... так

как, повторяю, они не могут жить без прошлого (даже если сами себе не желают в этом признаваться). И когда такового не имеется, они принимают любое, только бы не "вiseсть" в неизвестности, которая для них намного страшнее, чем любая чужая, выдуманная "история"..."

Получается, что история не только наука или междисциплинарная отрасль знаний. История — геополитический инструмент для воздействия на сознание масс и, соответственно, управление обществами. При кардинальной смене власти меняется и сама история. Действительно, "историю пишут победители".

Естественно, что за тысячелетия существования человеческой цивилизации выработались и приёмы (или методы) работы с данным управленческим механизмом. Но прежде необходимо выделить два принципиальных аспекта понятия "история" именно применительно к рассматриваемой здесь теме. История прошлого (прошедшая), т.е. в соответствии с общепринятым определением; и история будущая (ещё не совершившаяся). Этот подход прекрасно сформулирован в коротком, но предельно ясном афоризме: "Завтра сегодня будет вчера". Соответственно, и методы управления прошедшей и ещё не наступившей историей принципиально различаются.

НАЧНЁМ С АНАЛИЗА МЕТОДОВ, работающих с историей прошлого. Историческая наука является наукой источноиковедческой, т.е. создание картины прошлого основывается на наборе исторических фактов, из которых специалисты и составляют соответствующую картину. Имеются две категории фактов: письменные источники и артефакты. Можно назвать ещё и устную традицию. Но мифы, былинны, воспоминания очевидцев событий прошлого вводятся в научный оборот только после того, когда они записаны. Так что устную традицию с точки зрения отнесения её к носителя информации также можно отнести к категории письменных источников.

Кроме того, следует напомнить, что существуют два типа фактов: эмпирические и научные. Так, к примеру, найденное в земле захоронение есть факт эмпирический. Только после того, как такая находка будет соотнесена с определённой культурой и, соответственно, эпохой, это становится научным фактом. Но только в том случае, если подобная интерпретация будет соответствовать общепринятым в официальной науке историческим теориям. В противном случае её судьба сложится иначе... Таким образом, методы управления историей сводятся к работе с историческими фактами.

Основных таких методов не так уж и много, но все они эффективно работают на протяжении тысячелетий. Перечислю их по порядку, практически без приведения конкретных примеров, поскольку такая

работа требует объёма монографии, а не статьи. Итак, по порядку.

Первый и основной метод заключается в отборе массива данных, необходимых для формирования картины истории, соответствующей интересам правящей элиты. Иногда такой отбор принимает формы откровенной и даже вульгарной подтасовки кадров и событий. Пример тому — правление Иоанна Грозного во время "Великой порухи" у целого ряда историков, что превратилось в своего рода традицию очернения эпохи и государства.

Второй метод заключается в игнорировании или замалчивании неудобных исторических фактов, не ложащихся в прокрустово ложе общепринятой теории.

Если подобные факты не удалось игнорировать, и они становятся предметом общественной полемики, вступает в работу метод дискредитации. Артефакты и письменные источники объявляются нововедом или откровенной фальсификацией. Например, "Велесова книга" в XX веке или "Слово о полку Игореве" у ряда "партий" историков и литературоведов XIX века. И на такую кампанию часто бросаются значительные силы пропагандистской машины.

Четвёртый метод при формировании необходимой исторической картины — метод "перевёртыша". Оценка исторических фактов и исторических персонажей даётся диаметрально противоположная объективной, то есть более называем чёрным и наоборот. Метод очень распространённый и эффективный.

Пятый метод — прямой подлог и/или фальсификация исторических документов. Также весьма распространённый ещё в далеком прошлом способ создания необходимых исторических источников.

И, наконец, шестой, самый кардинальный метод — уничтожение письменных документов прошлого для создания совершенно нового варианта истории. Здесь ввиду радикальности данного метода я приведу несколько малоизвестных исторических примеров.

Пётр I издал два указа: №3693 от 20.12.1720 и №3908 от 16.02.1722. В них предписывалось во исполнение царской воли собрать из всех епархий и монастырей все имеющиеся книги и рукописи и доставить их в Святейший Синод для копирования древних изданий. Предписание было выполнено, но обещание вернуть обратно оригиналы так и осталось обещанием. Больше эти исторические источники никто не видел. После чего уже при Екатерине II "ОПГ" немецких учёных Миллера, Шлёгера и Байера занялась написанием нового варианта истории России в соответствии с политическими интересами правящей династии, как их тогда понимали. Во многом в этой версии отечественной истории мы живём до сих пор. На протяжении 117 лет в Российской академии наук, начиная от её основания в 1724 году и до 1841 года, из тридцати четырёх академиков-историков было всего три русских учёных: М.В. Ломоносов, Я.О. Сорокин и Н.Г. Устрялов. Таким образом, вплоть до середины XIX века доля иностранцев-историков превышала в Российской академии 90%!

Другой пример из истории Древней Мексикки. Примерно в 1427 году, после первых серьёзных побед ацтеков над соседними городами-государствами, королём Теночтитлана Итцхотлем был отдан приказ о сборе и сожжении всех древних письменных кодексов, в которых хранилась информация о прошлом ацтеков-мешиков и покорённых ими народах. После

этого по заказу короля и его советника Тлакаэлепа стали писать новую историю, в которой, естественно, главенствующая роль отводилась ацтекам как "богоизбранному" народу. С этого времени началось становление государства мешиков как империи.

Ещё более экзотический пример из истории Древнего Перу. Официальная наука утверждает, что в этом регионе, в отличие от Мексики, письменность не была известна. Те же инки использовали узелковое письмо, которое они называли кипу (на языке кечуа). Но в одном из испанских источников указано, что в правление 78-го перуанского короля Тупака Каури Пачакути случилась сильнейшая эпидемия, и король приносил постоянные жертвы, пока придворные мудрецы не объявили ему, "что причиной эпидемии была письменность, и что никто не должен ни пользоваться ею, ни возрождать её, поскольку от её использования был бы большой вред. Поэтому Тупак Каури на уровне закона установил, чтобы под страхом смерти никто не имел дел с письменными на пергаментах и листьях деревьев и не использовал какой-либо вид письменности. Они соблюдали этот догматический приказ с таким большим рвением, что после этого перуанцы никогда не использовали письменность. И когда в более позднее время один учёный мудрец изобрёл некоторые знаки [для письма], они сожгли его живьём, и так с этого времени они использовали нити и кипу с различным назначением..." (Фернандо де Монтесинос "Летописи Перу", 1642–1644 гг.).

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКРЕТНОЙ картины истории обеспечивает идеологическую основу для формирования будущего отдельного общества и/или человеческой цивилизации в целом. Здесь методы управления несколько иные.

Планирование своего будущего — ближайшего и отдалённого — свойственно как отдельно взятому человеку, так и каждому государству в любую историческую эпоху. Но такое планирование и реализация планов и есть непосредственное управление историей, которая через короткий промежуток времени становится уже Историей. Вопрос в том, кем конкретно осуществляется этот процесс на уровне стран и государственных альянсов. В прошлом такое управление зачастую осуществлялось либо отдельной личностью, либо небольшой группой лиц (имевших свой управленческий аппарат). В нынешней действительности с развитием процессов глобализации ситуация изменилась.

Нет смысла перечислять полный спектр управленческих методов, так как он охватывает все сферы политическо-идеологической, экономической, социальнo-культурной жизни каждого общества.

Тем не менее, если не вдаваться в детали, методов управления будущей историей окажется не много. Первый и важнейший — это идеологический метод (причём религиозная идеология, как правило, всегда стояла на первом месте). Именно этот метод запускает остальные и остаётся направляющим. К этим остальным методам управления относятся: политический, экономический и социально-культурный. В реальной практике все эти методы тесно переплетены, и их выделение — скорее аналитическая условность, вопрос вероятнее в "удельном весе" какого либо из них в конкретных исторических процессах. Есть ещё один отдельный метод управления будущей историей, а именно — магический. Многие читатели могут скептически хмыкнуть или даже по-

крутить пальцем у виска, но тот, кто в курсе данной темы, ухмыльнется не будет.

И комплексное использование этих методов мы все сегодня наблюдаем (и сами в этом участвуем) на примере глобальной войны с "пандемией" коронавируса. Каждый день во всех СМИ десятки раз приводят статистику заболевших, умерших, вылечившихся. Подобно ежедневным сводкам с фронта. Это тот самый идеологический метод, который ведёт за собой все остальные. Если смотреть на вопрос комплексно, получается, что битва с инфекцией и разворачивающиеся вокруг неё глобальные политико-экономические, социальные, культурные процессы есть не что иное, как третья мировая война, — именно так, поскольку ведётся она против всего человечества. Только методы этой войны совершенно иные, ещё несколько лет назад не представимые. И глобальный политико-экономический передел, трансформация мировых экономик, сокращение населения и т.д. являются лишь второстепенными задачами. Главные цели этой мировой войны — перестроирование человечества, создание нового, ранее не известного типа цивилизации и создание таким образом новой Истории с использованием всех вышеупомянутых управленческих методов. COVID-19 — это уже наша новейшая история. К чему это приведёт завтра, мы в большинстве своём не знаем.

Но — завтра сегодня будет вчера.

Р.С. Не вдаваясь в подробный анализ данной темы, приведу короткую информацию, полученную по электронной почте. Без комментариев и без исправлений. Данные не проверял лично, но полагаю, что они взяты из официальных источников, а не высосаны из пальца. Итак:

"Китайская биологическая лаборатория в Ухане является частью Glaxosmithkline, которая (случайно) принадлежит Pfizer! Это тот, кто делает вирусную вакцину, которая (случайно) была выпущена в биологической лаборатории в Ухане и (случайно) профинансирована доктором Фаучи, который (случайно) рекламирует вакцину!"

Glaxosmithkline (случайно) управляется финансовым отделом Black Rock, который (случайно) управляет финансами Open Foundation (Фонд Сороса)", который (случайно) управляет французской АХА!"

"